

Л. П. КАРСАВИН

Ответ на статью Н. А. Бердяева о «евразийцах»

В статье Н. А. Бердяева («Путь», № 1) евразийство встречается с попыткой добросовестно и непредвзято подойти к евразийской идеологии по существу. И если нет никакой надобности отвечать людям, которые сознательно или бессознательно не хотят понимать евразийство, если суетно нисходить до спора с противниками, орудие которых — риторический лжепафос и передержка, то, наоборот, критическая заметка Н. А. Бердяева самым благожелательно-вдумчивым своим подходом к проблеме вызывает на ответ и помогает рассеянию некоторых недоразумений. Ибо указанные автором в евразийстве «элементы зловердые и ядовитые, которым необходимо противодействовать», существуют, на наш взгляд, не в евразийстве, а в воображении критика. Строить из вырванных из контекста всей идеологии элементов воображаемого евразийца («турку») и потом его уничтожать нетрудно, но едва ли правильно. Соблазн же к подобной операции вызывается самую природою евразийства, к которому нельзя подходить как к готовой окостеневшей программе. «В мышлении евразийцев совсем нет категории духовной свободы».

— Вот это-то именно и ошибочно. Евразийская идеология как раз и есть — так ее ощущают и понимают сами евразийцы — свободно становящаяся система, определенная своими основными идеями, но не исключающая индивидуального многообразия ее пониманий. Не жесткие формулы, не личные взгляды того или иного евразийца — эти взгляды могут быть и ошибочными — определяют систему, а идея, по отношению к которой формулы играют роль служебную. Можно сказать, что евразийство дорожит соборным началом и им проникнуто. Соборное же начало требует индивидуальной свободы в его сфере,

вовсе не равнозначной с расплывчатостью. Поэтому правильно понять евразийство можно лишь чрез сочувственное понимание его духа отнюдь не путем механической комбинации отдельных фраз, как и не путем возведения индивидуальных взглядов в общевразийскую догму. Искреннее (хотя во многом не достигающее цели) стремление нашего критика именно к этому и делает, думается, спор с ним бесплодным. По-видимому, характеризуя евразийское движение как «прежде всего эмоциональное», автор имеет в виду как раз то, что мы сейчас выдвигаем. Только мы не согласимся, когда эта «эмоциональность» отождествляется с расплывчатостью или узким упрощением. Иллюзия упрощения получается от другого. Евразийство раскрывает свою идеологию, вовсе не схематически-простую и не туранскую (ведь и соответствующая статья кн. Н. С. Трубецкого озаглавлена «О туранском элементе в русской культуре», а не «О туранстве русской культуры»)¹. Оно вынуждено подходить к своим проблемам с разных сторон и не может подойти со всех сразу. В процессе творческого развития оно менее всего стремится к внешней систематике, довольствуясь внутренней системностью своей идеологии. Но, будучи активной группой, ищущей и ближайших задач, точек приложения для немедленной деятельности, оно должно ясно, кратко и точно строить схемы ближайшей деятельности, временные, конечно, но данные временем и оправдываемые.

Н. А. Бердяев ошибается, утверждая, будто «воля» евразийства «направлена к упрощению, к элементаризации... к традиционализму, боязливому и подозрительному ко всякому религиозному “творчеству”». Ни «динамический, трагический дух русской религиозной мысли XIX в.», ни «сложная проблематика» нам не чужды. Но мы знаем, что когда речь идет о практической деятельности, необходимы ясность и простота, а не сложная проблематика, которая не может увести за пределы журнальных статей и публичных диспутов.

И, осуждая «поколение начала XX в.», мы осуждаем не его сложность, а расплывчатость, бездейственность и безвольность большинства типичных его представителей. И мы умеем ставить и ставим «с большой остротой проблемы, которые имеют значение для далекого будущего и для вечности», но не забываем и о сегодняшнем дне и хотим действовать. Если мы отвергаем измышления многих интеллигентов конца XIX — начала XX в. (многое в латинствующем Вл. Соловьеве и отчасти К. Леонтьеве), так не «во имя исступленного и нигилистического утверждения русского православия и русского национализма», а

потому что считаем их ошибочными, наши же мысли правильными и, следовательно, православными². Н. А. Бердяев высоко оценивает русскую религиозную интеллигенцию предреволюционной эпохи. Мы считаем нужным различать и не можем по разуму и совести высоко поставить эстетически-религиозное упадочничество, латинство и софианство. Потому, если Н. А. Бердяев верит, что блудный сын (интеллигенция) «возвращается в Церковь... и будет в ней играть преобладающую роль», мы боимся, что этот сын в ней не будет. Евразийство не отрицает полезности того, что Вл. Соловьев напоминал о задании, активности и свободе христианства. Но почему нельзя считать вредными заблуждениями его «теократическую концепцию» (что делает и критик), его католицизм? Почему нельзя точно определять его философский удельный вес? «Не патриотично и не национально отрицать своего величайшего мыслителя». Ну, а если его только некоторые считают «величайшим»? Надо ли во имя патриотизма закрывать глаза или, воздерживаясь от высказывания, творить себе кумиров?

Спор с евразийством бесплоден, если он ведется в плоскости заслуг. Есть у интеллигенции, у старого поколения некоторые «заслуги». Кто же с этим спорит? Есть заслуги и у евразийства в настоящем и, верим, в будущем. Сравнительная же оценка тех и других не может быть произведена правильно заинтересованною в споре стороной; кто из нас прав — покажет время; и нам обоим лучше стоять каждому за свою правду и вести спор как одно идеологическое направление с другим. Тем более что и Н. А. Бердяев усматривает корни евразийства в славянофильстве, т. е. считает евразийство видом «отвергаемого» евразийцами русского идеологического движения. Со своей стороны, мы, не отвергая нимало родства нашего с некоторыми славянофилами, особенно с А. С. Хомяковым, вовсе не считаем евразийство «воспроизведением» мыслей старых славянофилов, и в частности Н. Я. Данилевского, хотя и ставим его очень высоко³. От Данилевского евразийство отличается уже тем, что несравнимо сильнее подчеркивает религиозный момент. Евразийство исходит из понимания православия как единственной непорочной Церкви, рядом с которою католичество и протестантство определяются как разные степени еретических уклонов, искажающие их своеобразные задания. Далее, евразийство утверждает, что в православии корень и душа национально-русской и евразийской, идущей к православию, но частью еще не христианской, культуры. Конечно, утверждение равноправности и равноценности всех христианских исповеданий для нас

неприемлемо. Православие не только «восточная» форма христианства, но и *единственная вселенская Церковь*. Если это партикуляризм — мы его предпочитаем «соглашательству». Но это не партикуляризм, а единственный истинный универсализм. Ибо тем самым исключается абстрактно-общее, тем самым утверждается не только множественность самобытных культур, но и их иерархия, ныне венчаемая православною евразийско-русскою. Мы вернем упрек в «номинализме». Ибо номинализм заключается в признании какого-то абстрактно-общего христианства или в признании равноценности исповеданий.

Номинализм и отрицание иерархии слышатся нам и в призывах к «русской всечеловечности и всемирности», практически сводящейся к лозунгу: «европеизируйтесь». Для нас православие универсалистично, но только в том смысле, что православная Евразия и православная Россия будут гегемонами культурного мира, если они всецело раскроют себя. Считать подобную концепцию социализмом или «натурализмом» невозможно. Выводить из нее «нелюбовь и отвращение к другим народам» — неправильно. Эти ошибочные выводы проистекают из смешения планов. Для западника (каким был Вл. Соловьев и отчасти К. Леонтьев), равнодушного к православию и евразийско-русской культуре, универсализм неизбежно совпадает с европеизацией. Гармоническое единство культур под эгидою евразийско-русской западник мыслит как единообразие романско-католической (европейской). Все русское обращая на потребу европейского, он органически отстраняется от самобытно-русского. «Сначала европеизируйтесь, потом развивайте свое». К тому же западник или — по сложности своих проблем — пассивен, или разрушительно активен, как, например, большевики-коммунисты, с точки зрения евразийцев, не «порождение Востока Ксеркса», как предполагает Н. А. Бердяев, а продукт Запада (см. «Наследие Чингисхана») ⁴. Для евразийца точка необходимого приложения сил — в развитии самобытно-евразийского, каковое развитие является предусловием культурного расцвета мира. Здесь в евразийстве совпадают теоретическая и практическая тенденции. И нам важно говорить прежде всего о русском, делать прежде всего русское дело. Чтобы не расплыться в бездейственном теоретизировании, необходимо выбрать исторически реальный и важный момент. Еще будет время подробнее развить евразийскую общеисторическую концепцию. Сейчас необходимо говорить о России. Напрасно отсюда делают выводы, что Европа для евразийцев не существует. Она — дай ей Бог

здоровья — должна быть координирована с Евразией. Но это дело будущего. Сейчас романская Европа, по всей видимости, умирает. Может родиться новая Европа, германская. Пока евразийцы заняты своим, родным. Больше того, они расширяют старую русскую проблематику в сторону других евразийских народов, пытаются выдвинуть опущенное, говорят о «туранском элементе», о «наследии Чингисхана». Но неправильно отсюда заключать о намерении евразийцев туранизировать Россию и об отречении их от другого наследства — от наследства Эллинского Востока, хотя мы и не считаем Запад равноправным с нами его наследником. Евразийцы не думают, что Россия — продолжение Азии, как не думают они, что «универсальные основы человеческой культуры... — античные». Россия обладает своею собственною, евразийскою природою, а не европейскою, не античною и не азиатскою, хотя она освоила наследия античной, азиатской, частью и европейской. Осваивая европейскую, она многим себе повредила, Европа же романско-католическая такому повреждению весьма поспособствовала и донныне по отношению к России агрессивна. Поэтому практически сейчас на первый план и выдвигается преодоление европейского яда (еще конкретнее — русского коммунизма). И только тот, в ком почему-либо слабо национально-русское самосознание, может всей настоятельности такой борьбы не видеть. Конечно, дух европеизма, т. е. дух католицизма, православия и России враждебны (доказательство — большевики-коммунисты, генеалогия которых хорошо разоблачена уже Достоевским)⁵. И с ними надо бороться. Это вовсе не отрицание ценностей европейской культуры в прошлом и возможности их в будущем. К сожалению, история культуры менее всего напоминает идиллию Феокрита⁶.

Несправедливо обвинять евразийство в том, что оно будто бы тяготеет к язычеству евразийских народов и готово соединиться с ними против христианской культуры Запада. Во-первых, оно ценит в евразийских народах не язычество, а потенциальное православие их, вовсе, однако, не понимая их христианизацию в смысле насильственного подчинения их русской форме православия, напротив — стремясь к тому, чтобы они стали православными из себя и на основе своей специфической культуры. Во-вторых, евразийство не мыслит евразийского мира иначе как под водительством *православной* России. В-третьих, евразийство не считает правильным отождествление западноевропейской культуры с христианскою. Впрочем, на почве христианства, как одна из его исторических форм, западная куль-

тура в существе своем давно уже отреклась от христианства, в то же самое время притязая на то, что ее исповедание есть единственная общеобязательная форма христианства. И этим, и отречением своим от христианства Запад, на наш взгляд, компрометирует христианскую идею в среде язычества (ср. католические миссии в Индии и Китае).

Н. А. Бердяев, допуская, что евразийцы чувствуют начало новой исторической эпохи, вместе с тем упрекает их в том, что они просматривают «главную особенность русского православия... — его эсхатологичность». Но, по нашему мнению, эсхатологичность — «особенность» не русского православия, а — Н. А. Бердяева. Мы вовсе не думаем, будто людям дано знать, когда придет антихрист, и даже почитаем *такую* эсхатологию особенностью романского Запада, т. е. тем «провинциализмом», в котором нас упрекает критик. Равным образом чуждо нам и внешнее сопоставление переживаемой эпохи с «эллинистической». «Национализм» вместе в критиком мы отвергаем, но думаем, что будущее культуры проходит не через растворение народностей в первичном смешении, а через развитие и раскрытие народностей, прежде же всего народностей Евразии и собственно русской.

